

КОМБАТ НАЙТОВ

РОДИТЕЛЬ

«ДУБЛЬ ДВА»

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н20

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Найтов, Комбат

Н20 Родитель «дубль два»: роман / Комбат Найтов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-120135-7

Он испытывал ракеты морского базирования, пережил катастрофу, летел в Сирию «разрушать госпитали и школы бородатых детишек». Но кто-то сверху предоставил ему возможность кое-что исправить в этой истории. Не попав к месту назначения, оказался «в голове отца», в 1938 году в городе Ленинграде. Зная, через что предстоит пройти отцу, решил помочь, начав со сдачи устного экзамена по математике. Это повлияло на дальнейшую жизнь: вместо срочной службы в РККА, отец сразу поступает в летное училище, а увлечение радиотехникой приносит первые успехи по службе.

И пока неизвестно, как это повлияет на судьбу близких людей и судьбу всей нашей страны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-120135-7

© Комбат Найтов, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Я направлялся к новому месту службы, так сказать, «дембельский аккорд». Борт сел на дозаправку, ночь, притихшие терминалы нового аэропорта Адлер. Жутко дорогой кофе возле выходов № 4–5 на посадку. Затем проход к развозке, посадка и семьдесят секунд полета. Не свезло. Подъемная сила появляется только на скорости, она и умение летчика держат самолет в воздухе.

Впрочем, мне не привыкать, хотел стать летчиком, учился в ДОСААФ, подлётывал с отцом и с его подчиненными, но зимой, учась в десятом классе, на Чегете во время спуска упал не совсем удачно. И когда казалось, что все кончится хорошо, на пути падения оказалось дерево. Черепно-мозговая травма, с огромным шрамом под бровями, и суровый приговор медиков: «Вы годны в истребительную авиацию, но через пять лет мы вас спишем». Отец предлагал пойти в Сызрань, на вертолеты, дескать, и блат там имеется, начальником училища служит его бывший курсант. Перегрузки на вертолетах небольшие, летать будешь долго. Но я заочевряжился и выбрал ВВМУПП, второй факультет, крылатые ракеты. По молодости

сти лет я думал, что буду не только стрелять, но и делать их, в смысле конструировать. При поступлении выяснилось, что это — детские мечты. Масса комаров в «Сивой кобыле» (лагерь училища находился на форту «Серая Лошадь»). Сам форт практически отсутствует, только бетонные стены дальномерного поста управления стрельбой да остатки оружейных дворики. В лесу металлические полубочки для проживания курсантов, несколько домиков для командного состава и обслуживающего персонала лагеря. Наряды на камбуз, караул, строевые занятия и курс молодого бойца, крепко приправленный комарами. Четвертый курс, плавательская практика в Видяево, на «раскладухе», умудрился сдать на самоуправление боевым постом и на несение ходовой вахты, получил вызов в «семерку», в 122-й экипаж. Был горд и доволен собой, так как ходили упорные слухи, что весь курс будет направлен в БРАВ и на полигоны. Своего будущего командира, капраза Ивана Александровича Семенова, вспоминал просто с восхищением.

Выпуск! Две маленькие звездочки на погонах, кортик — и большой скандал с супружницей: «Ты едешь в эту дыру, а я остаюсь в Питере!» Чем заканчивается подобное сосуществование, я с курсантских времен знал, на личном опыте. Была подруга, проживавшая недалеко от Финбана, с которой несколько месяцев поддерживались более чем плотные взаимоотношения, до тех пор, пока не выяснилось, что у нее есть муж, закончивший первый факультет три года назад, и который

служит в Гремихе. В общем, до штаба 7-й дивизии через месяц я добрался холостым, но обремененным алиментами. В штабе пробыл всего сорок минут и выехал обратно в Мурманск, где вначале угодил на «губу» в Североморске, за нарушение формы одежды, а затем смог выехать по месту службы: «моя» лодка встала на ремонт и переоборудование на «Звездочке», в городе Северодвинск.

Командир не терял времени и учился в Ленинграде в Академии имени Гречко. Вместо него — капраз Дурышев, который на мои допуски даже и не посмотрел, определил меня «на берег», гонять матросиков от казармы до пирсов, и на лодку я попадал только на «экскурсию», когда что-нибудь происходило и требовалось доставить очередного, перебравшего, «годка» до местной гауптвахты. Лодку перевооружали на «Базальты», более дальнобойную модификацию стандартных П-6 или П-35 (комплекс для надводников). Собственно, этот комплекс превращал сами лодки и их экипажи в смертников: точка пуска находилась в радиусе действия авиации авианосной группы противника, а приходилось всплывать для пуска. Залповая стрельба была возможна только с восьмисекундной задержкой между ракетами, иначе маршевый двигатель не запускался из-за пороховых газов предыдущей ракеты. Это было оружие надводных кораблей, но за неимением гербовой имеют кухарку.

Даже в училище обучение было поставлено несколько лучше. Плюс все носились с идеей

получить звание «Лучший экипаж», поэтому на «учебу» был забит флотский болт, меня полтора года «вносили в режим», до этого я даже просматривать «спецлитературу» не мог. В общем, пока на берегу не столкнулся с комдивом, носившим очень известную фамилию — Калашников, вся служба проходила между матросской столовой и казармой.

В тот день я, как обычно, стоял помощником дежурного по части в/ч 81275, дежурный съел что-то не то, в общем, отсутствовал, пришлось докладывать «высокому начальству». Владимир Сергеевич лично давал разрешение Семенову принять у меня зачеты в том памятном дальнем походе, поэтому задал вопрос: как послужится? На что я и вывалил все, что накопилось. В том числе, что до сих пор не имею доступа к вооружению, которым предстоит пользоваться. В общем, испортил идиллическую картину, созданную командиром лодки в глазах начальства. Результат не заставил себя долго ждать: допуск мне открыли, но перевели в в/ч 81275-а, во второй экипаж. Стало понятно, что дальнейшая служба на этом «корыте» практически закончена.

К этому времени я уже вполне освоился в Северодвинске и задействовал связи, нанятые в ресторане «Двина». В результате официально перевелся в Ненёксу. Там испытывался «Гранит», ракета, предназначенная специально для КрПЛ, ее «уменьшенный вариант» «Оникс» и «суперракета» «Метеорит-М». Где, собственно, и прошла моя служба от командира группы до за-

мначальника полигона по научной части. Последнее назначение тоже было связано с полигоном и испытаниями. Предстояло выполнить целую серию подводных пусков новых ракет «Калибр» по реальным целям на берегу и, в случае чего, по нескольким авианосным группам в Средиземном, Красном морях и в акватории Персидского залива. Что касается «применения», то я настрелялся всеми принятыми и непринятыми на вооружение ракетами по самое «не хочу» и вполне серьезно собирался в отставку, в маленький домик на берегу Чудского озера, но не судьба.

Упали мы в море, «канадку» я успел снять и засунуть ее в ящик над головой, сидел в мундире капитана 1-го ранга, стареньком, «второго срока». Времена, когда каждый курсант мог пошить себе мундир и «фирменную мицу», давно канули в Лету. Нас переодели в «иудушкина», а на голову нахлобучили нечто непотребное, под кодовым названием «пидорки с “курицей”». Этого же «цыпленка-табака» прилепили на плечо. Комплект такой лежал в чемодане, я его иногда надеваю, когда начальство неразумное приезжает, а так хожу в форме «старого образца». Так как седой, как лунь, то никто на эти причуды внимания не обращает, тем более в Архаре или Северодвинске, а дома, в Ненёксе, я в основном в спецовке хожу, пардон, ходил.

Так на чем я остановился? А, на море! Не все оказалось так однозначно, к Нептуну я не попал, никого из знакомых не встретил, даже тех, кто сидел на соседних креслах. Мундир и даже

нижнее белье кто-то упер. «Уже же наши души, голенькие, стояли меж алкоголиков и утренних крестьян...». Стою, как на медкомиссии, на всякий случай прикрывая непотребство руками. Никого не вижу, синеватый свет исходит прямо от стен, но иногда кто-то пихается, задевая в проходе. Скорость «приема» здесь высокая, шагать не нужно. Судя по всему, дефицит душ здесь высокий.

Сменился цвет, появилась расплывчатая фигура. Перед ней что-то вроде монитора, но видно не резко, я даже глаза протер, может, поэтому расплывается. Ни одного вопроса. Свет сменился на полную темноту, длилось это довольно долго, я даже подумал, что это — всё. Вдруг через неплотно закрытые глаза вижу окно с неплотно задернутыми тяжелыми занавесками. И утренний свет, пробивающийся через них. И дребезжание трамвая. Мне захотелось встать и подойти к окну. Но тело даже не дернулось. Наоборот, взяло и отвернулось от окошка, да еще и накрыло голову одеялом. Глупейшее положение!

Похоже, меня «подкинули» куда-то и к кому-то. Пытаюсь определиться, провести что-то вроде определения топологии сети. Это не ад и не рай, никаких гурий, ангелов, богов. Ничего не видно. Где-то стучит сердце, чувствуется ровный пульс. Громко тикают часы, терпеть не могу этот звук. Иногда за окном слышен трамвай. А сейчас кто-то метет улицу. Послышалось: «Доброе утро, Пал Иваныч!» «Доброе утро, Клавдия Михайловна». По-русски! Тоже хорошо, но где же я?

Звонок! Металлический, противный. Тело начало еще больше заворачивать голову в одеяло, затем пошевелилось и выключило неприятный звук. Какой-то гад включил радио, и женский голос сказал: «Петя, вставай!» Ни мыслей «хозяйна», ни его тела я не ощущаю. Просто «присутствую». Больше похоже на ад, но прикольно, как сейчас модно говорить. Скрипнула дверь, чьи-то шаги и звук отбрасываемых штор. «Хозяин» приоткрыл глаза и хриловатым голосом сказал: «Я уже проснулся!» — «Так, мы уходим! Завтракай, и не опаздывай. У тебя математика сегодня!» — «Я помню!» — «Готов?» — «Всегда готов». Я, наконец, увидел женщину, которая это говорила. Лицо почему-то знакомое, но вспомнить ее я не могу. Красивая фигура, форменное платье белого цвета с золотистыми надраенными пуговицами с якорями: четыре пуговицы вниз, плюс две на карманах на груди. На левом рукаве одинокий шеврон клювиком вниз. Широкий кожаный ремень с массивной бляхой со звездой и якорем. На боку портупея и кобура, из которой торчала рукоять «нагана». Белокурые волосы уложены в тугую комок сзади. Где-то я эту женщину видел, но вспомнить: где, я не мог. «Хозяин» сел в кровати, увернулся от поцелуя, его потрепали по голове, он потянулся и встал. Подошел к окну. Этот пейзаж я ни с чем не перепутаю: за окном текла Нева, слева — мост лейтенанта Шмидта, прямо перед окном Адмиралтейские верфи. Справа виднеется стоящий у причала на достройке довольно большой кораблик с башнеподобной мачтой.

Я такой никогда не видел. Похож на «Киров», но у того дальномерный пост стоял на четырех опорах. Скорее всего, это — «Максим Горький». Черт, сороковой год? Охренеть! Стоп! В сороковом он уже флаг поднял и был сдан флоту. А этот — достраивается. Может быть, не «Горький»? Или не сороковой год. Ничего не понимаю! Вот угораздило!

«Хозяин» вышел в коридор, в комнате — две двери, сходил в туалет, с кем-то поздоровался, вернулся в свою комнату и приступил делать зарядку. После этого я увидел его лицо в ванной: узкий нос, очень темные волосы, на мать, если эта женщина — его мать, совершенно не похож. А вот прищур глаз — ну очень знакомый! Возникло такое же впечатление, что я его видел, но узнать не могу. Ему лет шестнадцать, щупленький, невысокий, с густой черной шевелюрой. Он нацепил какие-то брюки, больше похожие на шаровары, из-за застежек внизу, рубашку, вытащил из стола командирскую сумку и вышел в соседнюю комнату. Она много больше той, в которой он только что находился. Там стояло три кровати, но две из них были детскими. И тут меня как пыльным мешком по голове стукнуло: над большой кроватью на ковре висела шашка с орденом Красного Знамени и «маузер» в деревянной кобуре с золотой нашлепкой. Это оружие я знаю с детства, еще бы номера посмотреть. Это оружие моего деда Василия. Я его никогда не видел. Не сохранилось к году моего рождения ни одной фотографии. Все, что было в этих комнатах, кроме этих

двух предметов, сгорело во время блокады. После войны шашку «разоружили», поставили вместо клинка кусок обычного железа, а у «маузера» не стало бойка и появилось два отверстия, в одно из которых вкрутили болт, который мешал затвору подать патрон в патронник и закрыться. Это уже при Хрущеве. Так это — бабушка? А это — мой отец? Что за шутки? Для чего? Чтобы я осознал свою вину перед ними? Или для того, чтобы я лучше узнал их?

Петр, с чайником в руках, пошел на кухню. Квартира — коммунальная. В ней четыре или шесть комнат, одна кухня, туалет и ванная. Три керосинки, ведро с водой стоит рядом с ними. Противопожарная безопасность, наверно? Три коробка спичек и пустая банка из-под консервов для сгоревших спичек. Центрального отопления нет, в маленькой комнате есть дверца для печиголландки, с помощью которой обе комнаты отапливаются. Так что Петя в осенне-зимний период истопником подрабатывает. Дату я уже увидел: 20 июня 1938 года, понедельник. Об этом, ленинградском, периоде жизни отца и бабушки я мало чего знаю. Помню, что она работала в училище имени Фрунзе, преподавателем, а отец здесь закончил десять классов, не поступил в военное училище, в какое — он не говорил, и записался добровольцем в РККА. Да, еще тетя Нина родилась здесь, но в каком году — я не помню. В общем, помалкивали они оба об этом периоде почему-то. Ладно, разберемся, может быть, для этого меня сюда и отправили? Завтрак

состоял из яичницы, двух бутербродов и стакана чая с одной ложкой сахара. Сколько помню отца, он меньше трех-четырёх ложек на стакан никогда не клал.

О-па! Талоны! Он аккуратно вырезал несколько штук, достал из шкафа кошелек, вынул оттуда несколько бумажек и сунул в карман. Из другого достал горсть мелочи и пересчитал. Что-то положил туда, где лежали бумажки, а остальное сунул в кармашек для резинки на командирской сумке. Посмотрел на часы и, быстро нацепив тряпочные туфли, выскочил на лестницу. Ключи от комнат и квартиры положил в сумку. Оттуда вытащил складной нож и сунул его в карман. Сумку через плечо и зашагал по набережной в сторону моста. Через квартал свернул на 10-ю линию и оказался у дверей школы. Довольно большая толпа, 60–80 человек, старшеклассников стояла перед дверьми и воротами во внутренний двор школы. Все что-то читали и зубрили, а этот стервец даже в сумку не залез. Впрочем, через пару минут он из нее вытащил мятую пачку «Севера», прикурнул у кого-то и разболтался о каких-то пустяках с парой таких-же обалдуев, как и сам. Сейчас завалит экзамен! Тут я вспоминаю, что один раз у него прорывалось, что математику он одолел уже в 42-м, когда ему пригрозили, что из училища авиационного отчислят. За месяц выучил и сдал на «отлично». Тут меня зло разобрало, что не могу повлиять на ситуацию, и я стал придумывать, как до него достучаться. Он пару раз коснулся затылка, сказал, что проснулся среди ночи от резкого

щелчка в этом месте, так и побаливает почему-то. Затем они затушили папироски, потому что открылись двери, и стали запускать вовнутрь. Там рассадили всех по одному через парту. Перед этим ребята получали листок с билетом, которые были разложены на столе преподавателя. Петр вытащил билет № 13, весь сморщился, сел за парту, сумка осталась у дверей класса. На парте было два простых карандаша, ручка и чернильница. Взял листок черновика, карандаш и затих. Я посмотрел на билет, а что там решать?! И я начал мысленно проговаривать решение, не как ему, а как себе. Доказали теорему Паскаля, построив линию NMP. Решили задачу и доказали теорему синусов. И через десять минут Петя поднял руку.

— Чего тебе? Что-нибудь забыл? В туалет не выпущу, — спросил учитель.

— Да нет, я готов, Александр Иванович.

— Куда готов?

— Отвечать.

Преподаватель подошел к парте и проверил содержимое самой парты, там ничего не было.

— Рубашку задери!

— Да не списывал я.

— Ну, прошу!

— Билет номер тринадцать, первый вопрос: теорема Паскаля. Если в окружность вписан произвольный шестиугольник, то точки пересечения противоположных сторон находятся на одной прямой...

Память у него была «лошадиная», сколько его помню, просто приехал он в Питер поздно,